

Вступление

Когда я был доставлен в имралинскую тюрьму, то первым мне навстречу вышел представитель руководства Европейского комитета по предупреждению пыток при Совете Европы. «Вам предстоит находиться в этой тюрьме; мы же через Совет Европы будем контролировать ситуацию и постараемся найти решение некоторых проблем», — таковы были ее первые слова. Совпадение интересов греческого национального государства, которое передало меня под контроль ЦРУ США, совершив предательство, аналог которого крайне редко можно встретить во всей истории человечества, с интересами Турецкой Республики привело к тому, что в эпоху «голых королей и божеств без масок» я роковым образом оказался прикованным к имралинским скалам подобно герою мифа о Прометее.

Еще более поразительным оказалось удаление меня из Сирии, положившее начало данному процессу. Мироззрение, изгнавшее меня из Сирии, по своей сути основано на значении, которое я придавал дружбе, и столкновении противоречий курдской политики Израиля. В частности, Израиль, рьяно взявшийся за патронаж над курдской проблемой после Второй мировой войны, настолько чувствителен, что не может смириться с альтернативным способом решения курдской проблемы, которая в моем лице становится все более существенным. Предложенный мной способ урегулирования категорически не входил в планы Израиля. Не буду отрицать, «Моссад» косвенными путями пытался склонить меня к своей концепции решения. Но ни морально, ни политически я не был готов к этому. Арабское руководство Сирии ни в коей мере не хотело изменять характер взаимоотношений, в которых преобладала тактическая сторона. Что касается Хафеза Асада, то он стал лидером в условиях столкновения гегемоний США и Советского Союза. На критическом этапе в связи с распадом СССР Асад оказался не в состоянии защитить свои тактические достижения. Используя фактор моей личности (формирование РПК), он стремился сохранить баланс взаимоотношений с Турцией, в определенном смысле противостоял угрозам Турции, прозвучавшим в адрес Сирии в 1958 году, и ее излишне произраильской ориентации. То, что РПК оказалась удобным средством воздействия, позволило сформировать длительные тактические взаимоотношения. И никто особенно не стремился разглядеть в этом возникновении второй (альтернативной) курдской политики. Усилия турецких властей в этом смысле не имели никакого успеха.

Даже этот краткий экскурс в историю свидетельствует, что именно Израиль стал основной силой, способствовавшей моему отъезду из Сирии. Несомненно, немаловажную роль при этом сыграли политическое давление США и военное давление Турции. Не следует забывать, что Израиль вел тайные переговоры с Турцией еще в 50-е годы прошлого столетия, а дополнительное соглашение под названием «антитеррор», заключенное в 1996 году, фактически сформировало союз США, Израиля и Турецкой Республики против РПК.

Другим немаловажным фактором, который следовало бы рассмотреть в рамках данного процесса, является сотрудничество сформированного в 1992 году Курдского Федерального

Собрания с властями Турецкой Республики на основе совместной борьбы с РПК, на которое пошли руководители ДПК и ПСК, поддерживавшие тесные связи с США и Израилем. Безусловно, в тех условиях действия турецкого правительства и военных были тактическими. Но история развивается по собственным, свойственным лишь ей законам. Разнообразные подходы предопределяют развитие серьезных процессов. Историческая ошибка Турции, вызывающая сегодня гневный отклик, обусловлена ее узкой, эгоистической, односторонней позицией.

В 1998 году, вследствие слияния всех этих факторов, направленных против меня, мне пришлось покинуть Сирию. Должен откровенно сказать, что я и сам четко осознавал необходимость отъезда из Сирии. Ожидание было крайне тяжелым, и я чуть было не подпал под обаяние политической линии, развиваемой в отношении Курдистана и моего собственного подхода к дружбе, который я хотел поднять на стратегический уровень. Надо признать, что руководство Сирии на самом высоком уровне увидело в этом очень серьезную опасность. Я должен признать это. Но я и по сей день придерживаюсь тезиса о важности и незаменимости стратегической дружбы народов. Именно такие представления привели меня в Грецию. Еще одним важным фактором стало стремление к развитию достойных дружеских отношений если не с властями, то с народом Греции. Изучение классической культуры и трагической истории Греции было в высшей степени необходимо; дружба эта была совершенно необходима.

У меня был еще один выход — горы Курдистана. Еще в детстве меня обзывали 'Dine gole, dme giya', что значит «безумно любящий горы и долины». Но многовекторный анализ ситуации отодвинул эту возможность на второй план. Принимая во внимание тот факт, что мое пребывание в горах, на родине, неизбежно привело бы к бомбардировке, вооруженным столкновениям и, кроме того, к уничтожению нашего народа и нашего освободительного движения, я понял, что концентрация на военном решении проблемы практически неизбежно означает ошибочный переход на тропу войны. Другим не менее важным обстоятельством, о котором я думал, стало стремление к воспитанию и обучению молодежи, неграмотность которой приняла попросту невероятные масштабы.

Утверждения некоторых официальных и неофициальных кругов Турции о том, что усиление давления на курдское движение привело к успеху, неверны по сути. К тому же несмотря на то, что аналогичная политика давления в настоящее время активно применяется в отношении Ирана и Ирака, очевидно, что она безрезультатна. Что касается тактических взаимоотношений Сирии и Ирана, то сейчас невозможно понять, к каким результатам они приведут. Можно сказать, что эти страны прибегли к политике, которая может стать причиной многих осложнений. Возникает вопрос, готово ли правительство Турецкой Республики к любым последствиям, которые могут возникнуть вследствие обострения противоречий по оси США — ЕС — Израиль с одной стороны и Иран — Россия — Китай с другой стороны?

Уроки, вынесенные мной из трехмесячных приключений на маршруте Афины — Москва — Рим, несомненно, имеют историческое значение. С этими приключениями напрямую связано и мое стремление понять суть капиталистического модернизма — основного понятия данного труда, сквозь призму тысячи и тысячи масок и тяжелой брони, в которую оно

оказалось заковано. Если бы не это, думаю, что не было бы не только этой книги, более того, я бы оставался в узах классического примитивно-националистического государственнического подхода или мне бы пришлось смириться с судьбой классического левого деятеля, подобно сотням других, в том числе основателям государств. Я всегда стараюсь придерживаться мнения, что принцип общественных наук — умение избегать конкретных формулировок. Но при этом у меня сложилось отчетливое ощущение, что мое мышление сейчас находится на пике своей аналитической силы.

Для меня совершенно очевидно следующее: истинная сила капиталистического модернизма зиждется ни на деньгах, ни на оружии; его истинная сила заключается в том, что она душит все утопии, включая последнюю и самую сильную из них — социалистическую, в собственном либерализме, способном окраситься в любые цвета и дать фору самому ушлому фокуснику. Пока не будет раскрыт механизм, позволяющий капитализму душить посредством либерализма все утопии человечества, не только не может идти речь о какой-либо борьбе с капитализмом, но, более того, даже философские школы, утверждающие свое превосходство над всеми остальными, не смогут избежать участи прислужников капитализма. Никто лучше Маркса не смог провести анализ капитала, мало кто смог углубиться в теорию государства и революции так, как это сделал Ленин. Но сегодня выясняется, что несмотря на несовместимость позиций марксизм-ленинизм предоставил капитализму очень серьезный материал, сделав неоценимый подарок, потому что капитализм и по сей день продолжает строить расчеты на наших чаяниях и волеизъявлении и пожинать плоды. Я не воспринимаю это ни как злой рок, ни как неизбежное диалектическое явление. Напротив, я пытаюсь сделать вывод о необходимости более тщательного изучения утопий свободы.

Пока вопрос личности и общества, скомпрометированных либерализмом, не будет окончательно решен и объединен с естественным ходом истории, мир обречен на смерть от социального рака. В дальнейшем я остановлюсь на этом очень подробно.

Я хочу сказать следующее: совершенно очевидно, что, не разобравшись с заволаживающей системой, которая стоит за спиной представителя Совета Европы - той самой семидесятилетней дамы, фактически пригласившей меня в имралинскую тюрьму, и капиталистическим модернизмом, я не смогу правильно разобраться в собственной судьбе. Мой арест от начала и до конца был инспирирован тройкой Израиль — США — ЕС ослабленной Советской Россией. Что касается правительств Сирии, Греции и Турции, то они на деле сыграли роли второго плана.

В ходе допросов я открыто заявил представителям четырех турецких основных силовых структур — Разведывательного управления Генерального штаба, Национального комитета по координации разведки, Главного управления безопасности и Жандармерии, — что их радость по поводу моего ареста совершенно бессмысленна. То, что они подло и так цинично, что не укладывается в понятия о человеческом поведении даже кочевых бедуинов, использовали дружеские отношения, организовав невиданный по своему масштабу заговор, и бросили меня в самолет, вовсе нельзя назвать смелым ведением войны. Даже этот факт откровенно свидетельствует о том, что капиталистический модернизм, гегемоном которого являются США, есть ничто иное, как обычный либерализм: система, повсеместно

насаждающая механизмы угнетения и эксплуатации.

Нельзя сказать, что в ходе своей борьбы я не познакомился с таким явлением, как турецкий национал-этатизм. И даже находясь в самом невыгодном положении, в одиночку, нашел в себе смелость выступить против него. Все, кто были свидетелями этого, могут подтвердить, что я боролся честно. В этом нет ничего, достойного забвения, ведь речь идет о смертном приговоре, вынесенном курдской идентичности. У меня было два пути: или сопротивляться, не забывая о себе и о чувстве собственного достоинства, или потеряться в омуте обезличенного бесполого рабства. Я не спорю с реальностью, я даже не испытываю никакого гнева. Истинной причиной моего гнева является другое основополагающее явление — неумение противостоять идейной глупости. На словах человек обладает самыми обширными правами, но на деле небольшая группа людей эксплуатирует человечество и навязывает ему такую войну, которая не наблюдается нигде в мире одушевленных существ. Но эксплуататорам и этого мало: они хищнически используют природу, результатом чего становится полностью отравленная окружающая среда.

Общество, в котором я родился, полностью находилось под культурным влиянием неолитического села. В его основе лежат искренняя дружба и честная борьба. Я вырос именно на таких чувствах. Но самые негативные явления, выходящие за рамки цивилизации, в форме самого жесткого отчуждения давно уже стали злым роком. Однако и этого оказалось недостаточно, и тогда капиталистический модернизм, объединившись с самой жесткой и консервативной традицией, буквально задушил это общество в национально-государственном окружении с явными признаками этнического национализма, дошедшего до шовинизма — и этот идеологический узел очень трудно распутать. Если к этому прибавить еще силу, постоянно держащую палец на спусковом крючке, то станет ясно, что синонимом слова «судьба» является обреченность на жалкое существование еще до факта рождения.

Отъезд из Турецкой Республики не был для меня результатом какого-либо серьезного сопротивления. Скорее он был вызван стремлением к поиску новых возможностей для решения некоторых вопросов левой национальной политики, увязших в плену догм. РПК на Ближнем Востоке не имела каких-либо шансов, кроме как, воспользовавшись пробелами в системе, достичь некоторых незначительных результатов. Но тем не менее, с точки зрения развития в качестве силы, противостоящей системе, партия имела неопределимое значение для всего Ближнего Востока.

С точки зрения достигнутых результатов, очень важен тот факт, что РПК основательно ушла в вооруженную борьбу, в первую очередь в горах. Для курдского народа это означало постепенное вовлечение в политику. Отрыв от классического соглашательства впервые стал восприниматься как свободная альтернатива. Не стоит ждать от деспотических режимов, оставшихся со времен средневековья, или так называемых современных национальных государств сколько-нибудь реалистичного приемлемого выхода из сложившейся ситуации. Именно по этой причине происходит сплочение вокруг тезиса «РПК — это террористическая организация» курдских ренегатов и национальных государств региона, а также империалистических гегемонов. Свободная курдская идентичность на уровне личности и общества стирает все их затвержденные догматы. Исламская завоевательная идеология и

националистическая идеология либерализма давно уже исключили из списков и вывели за рамки истории такое понятие, как свободная курдская идентичность.

По сути, то, что происходит со мной, есть ничто иное, как игнорирование свободной курдской идентичности и ее обречение на вечное заточение в тюрьме, созданной для одного человека на острове. Политика, ежедневно применяемая на протяжении девяти лет в тюрьме Имралы, носит системный характер. Относиться к этому как к общей политике, применяемой в турецкой пенитенциарной системе, — серьезная ошибка, которая порождает политические тупики и противостояние как для курдов, так и для турок.

Я очень хорошо осознал, что тюркская идентичность не может самостоятельно ни воевать, ни примиряться. Капиталистический модернизм уготовил Турции роль жандарма, который должен довести все народы Ближнего Востока, в том числе турецкий народ, до состояния, позволяющего сделать их объектом капиталистического гнета и эксплуатации, и Турция ревностно охраняет интересы этой системы.

Для них очень важны тюркская и анатолийская культуры, накрепко связанные, и в Европе, и за ее пределами. Нельзя считать, что применяется какая-либо конкретная политика. Самая утонченная политика и стратегия, как правило, осуществляются содержательно и комплексно. С этой точки зрения примечательны взаимоотношения НАТО и ЕС.

Даже те обстоятельства, которые я пытался разъяснить по сегодняшний день, свидетельствуют о том, что, не осознав во всей глубине суть капиталистического модернизма, невозможно строить осознанную защиту. Совершенно очевидно, что краеугольный камень защиты бессмыслен в рамках сухого права. Поверхностный политический и стратегический подход не в состоянии пролить свет на то, почему вновь оказался заблокированным процесс «повторного суда».

Требования повторного суда имеют большое значение и с точки зрения открытого решения вопроса о свободной курдской идентичности. В своей книге «Демократическая республика», а также защитной речи для ЕСПЧ «От шумерского государства жрецов к демократической цивилизации» и книге «В защиту народа», ставшими ответом имитационной турецкой судебной системе, я постарался разъяснить истинную суть демократии и справедливости. А эта моя защитная речь должна стать выявлением проблематики и необходимости преодоления капиталистического модернизма и рассмотрением, в качестве альтернативного решения, политической системы демократизации и ее связи с идеями свободы. Тем самым требование повторного суда еще раз свидетельствует о цельном и законченном характере моих защитных речей.

Я уже говорил, что первое судебное разбирательство, проведенное на острове Имралы, носило имитационный характер. В действительности не было никаких условий для осуществления квалифицированной юридической защиты. Все, до мельчайших деталей, было заранее запланировано. Все было реализовано по предварительному плану: дата решения, характер и страна происхождения старшего следователя, участники, сроки, вплоть до подробностей привлечения средств массовой информации. В этом плане была достигнута договоренность с США и ЕС. Мне не дали возможности воспользоваться правом

на судебную защиту. В принципе, не было и речи о каком-либо праве. Такое положение устраивало и ЕС.

Проблема заключалась в том, как использовать меня в рамках фундаментальной курдской проблемы. Все должно было служить этой цели. В принципе, процесс, происходивший в Кении, с самого начала и до конца попирает право ЕС. Более того, это стало попиранием законов как самой Кении, так и Турции. Тот факт, что власти постоянно говорили о смертной казни, имел чисто политический характер. Таким образом меня хотели напугать. В этих условиях мне необходимо внести свой вклад в развитие политических процессов. Большое значение в этом смысле имеет тот факт, что мои защитные речи носят характер политических посланий. Более того, совершенно необходимо найти основополагающие ответы на ошибочные действия, чреватые серьезными последствиями. Я постарался сделать именно так. Именно на этом основана идейная направленность всех защитных речей, написанных в тот период. Только на этой базе можно было избежать участи инструмента в игре и внести свой вклад в дело освободительной борьбы.

Скажу откровенно, я ждал от Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) решения о том, что мой арест был незаконен. Это могло бы создать почву для справедливого судебного разбирательства. Однако такое решение принято не было, что тоже стало актом беззакония. Европейский суд вынужден был констатировать факт несправедливого судебного разбирательства. Впрочем, все было откровенно и прозрачно. Пока я ждал справедливого суда, Совет ЕС в одностороннем порядке, после долгих переговоров с турецким правительством, в обмен на политические дивиденды, которые ЕС считал для себя очень важными, способствовал тому, что по материалам так называемого дела, являющегося самым настоящим правовым скандалом и в десятках пунктов противоречащего нормам закона, 11-й суд по особо тяжким преступлениям Анкары и 13-й суд по тяжким преступлениям Стамбула, которые, по сути, являются атавизмами бывших судов государственной безопасности, оставили ранее вынесенные решения без изменений. Достигнув договоренности по данному вопросу с Комитетом министров ЕС, дело вновь вернули в ЕСПЧ. Ответа ЕСПЧ мы ждем и по сей день. Подлинным предметом беспокойства является реакция суда на собственное решение по вопросам справедливого судебного следствия. Готовясь представить в ходе судебного разбирательства настоящую, юридически обоснованную защитную речь, мы фактически остались ни с чем. По сути, судебное разбирательство так и осталось фарсом.

В данном процессе еще более четко прояснилось следующее обстоятельство: комплекс проблем, связанных с РПК, курдским вопросом и лично со мной способствовал большому сплочению и солидарности по оси США — ЕС — Турецкая Республика. В обмен на широкие экономические преференции Турция, игнорируя курдский вопрос в самой Турции, настояла на оказании условной поддержки Курдской федерации в Ираке. С каждым днем становится все очевиднее, что по данному вопросу очень активно проводились различные встречи. Впрочем, обсуждение экономических дивидендов и соглашения с США проводились вполне откровенно. Следовательно, важнейшей из них оказалась договоренность о моем аресте, содержании под стражей без судебного следствия, ликвидация на корню курдского вопроса в Турции и объявление РПК «террористической организацией». МВФ и Копенгагенские критерии ЕС стали прикрытием самых грязных соглашений.

Я должен открыто заявить, что не ожидал таких грязных и сомнительных поступков от структурных подразделений ЕС. Эти события натолкнули меня на необходимость серьезно и глубоко задуматься о демократических нормах ЕС и его отношении к вопросу о правах человека. Фундаментальный характер проблем и необходимость их кардинального решения побудило меня самым серьезным образом задуматься об этих вопросах. Несомненно, ЕС сделал серьезный шаг вперед в плане защиты прав человека и демократии. В этом смысле Евросоюз является оплотом надежды нашего мира. Но беда в том, что капиталистический модернизм, лежащий в его основе, буквально сковал деятельность этой организации, не давая ей возможности совершать дальнейшие прогрессивные шаги.

Русские революционеры связывали свои надежды с тем, что победа революции в России станет гарантией революционных побед, по меньшей мере, в значительной части Европы. Но, как известно, их ожидания не оправдались. Напротив, либеральная контрреволюция в Европе буквально растворила в себе и Россию, и всю систему под ее руководством. Аналогичная ситуация имеет место и сегодня применительно к демократическим революциям. Для того, чтобы ожидания от Европы не привели к тем же результатам, сегодня, в эпоху наивысшего развития всемирного капитала, наиболее реальными были бы поиски на пути всемирной демократизации. Поиски европейской демократии в сфере прав человека и свобод могут обрести смысл только в рамках данной парадигмы.

Положения, которые я хочу обрисовать в общих чертах, требуют самого серьезного, фундаментального ответа на вопрос, почему они не хотят «справедливого судебного разбирательства». Они требуют привязки к фундаментальным источникам тех основных обстоятельств, которые я ранее разрабатывал в своих защитных речах. Несмотря на то что чрезмерная привязка может привести к серьезным ошибкам восприятия, об этом следует постоянно беспокоиться, если источником проблемы становится модернизм. Впрочем, основные разделы, которые я постарался осветить в своем труде, внутренне единые и способны свести до минимума подобные опасения.

После вводной части следует глава «О методике и поиске истины». Как известно, методика — это путь привычных исследований. Определение путей, к которым неоднократно прибегали как в истории, так и сегодня, может серьезным образом пролить свет на истину.

Раскрытие основных причин методических понятий в комплексе всех позитивных и негативных сторон заметно облегчит усилия, направленные на решение вопроса. Даже если методика не страдает болезненными признаками, необходим путь, которому надо будет постоянно следовать.

Говоря о постижении истины, мы подразумеваем то, как «наилучшим образом постичь смысл жизни». Важнейшим для каждого серьезного исследования являются поиск ответов на вопросы, давно уже занимающие человеческий разум: что такое истина, реальность, как их постичь, можно ли вообще это сделать? В комплексе с характеристикой таких понятий, как «объективизм» и «субъективизм», буквально захвативших человечество, я постараюсь расшифровать также некоторые другие фундаментальные понятия.

В главе «Осознанное разделение категорий места и времени в общественном развитии» будет освещен вопрос о том, что вопросы фундаментальных категорий общественного развития не должны рассматриваться в отрыве от категорий места и времени.

Абстрактное толкование общественных образований и их особенностей в форме сухих исторических явлений или в форме игнорирования категории места может способствовать превращению наших рассуждений об обществе в хаос или в орудие самых подлых интересов; в результате под маской «истины» восторжествует риторика, способная оболгать все общество, или самая настоящая демагогия. Если в процессе максимально открытого воссоздания социальных истин взять за основу отличающие их категориальные признаки места и времени, то заметно возрастут возможности осмысливания такого понятия, как «человеческая жизнь». Это поможет выявить лживый и спекулятивный характер многих постулатов. Говоря конкретнее, мы постараемся отобразить историческое и локальное развитие современной цивилизации — имеются в виду наиболее успешные ее формы — в ракурсе осознания ее основных элементов.

В главе «Эпоха голых королей и божеств без масок» я постарался открыто рассказать о зарождении капитализма как формы производства и о том, как капитализм способствовал возникновению раковой опухоли на теле общества. Я постарался расшифровать внутреннюю суть капитализма, которая на первый взгляд вроде бы ясна, но на самом деле, благодаря методам, понятиям и постулатам, направленным на создание войны всех против всех и системы знаний, созданных с помощью подчиненных ей политической системы и науки, превращает войну в неизбежный мысленный тупик. Я постарался раскрыть способность системы превращения марксизма, анархизма, национально-освободительного и даже социал-демократического движений, всех течений, борющихся с системой, в удобный инструмент для использования в собственных целях. Я задаюсь вопросом: как товар и прибавочная стоимость, которые изначально не воспринимались всеми общественными образованиями, вдруг умудрились превратиться в божеств, господствующих в обществе? Как случилось, что немногочисленные монархи прошлого, некогда привыкшие облачаться в красочные одеяния, создававшие для себя привилегии в виде крепостей и дворцов, вдруг резко выросли в числе и, обнажив свою суть, стали неким неделимым целым со своей природой? Возникает вопрос, почему система, некогда имевшая развитую науку, сильную власть и материальное благосостояние, превратилась в сообщество, исчезающее на глазах из-за болезней и смертей, развитию и распространению которых способствует окружающая среда и внутренняя структура самого этого сообщества? Я постарался раскрыть тайные стороны этих проблем, найти ответы на них. Мною рассмотрены национально-государственные образования с разветвленными экономическими, социальными и политическими структурами, их истинные роли в научно обоснованном разделении, исходящем как из этого понимания, так и из гипотез; исследован также вопрос о том, как они наполняют жизнь смыслом или, наоборот, обесмысливают ее. Я внес ясность в истинную роль либерализма, превратившегося в официальную религию наподобие национализма и индивидуализма. Я показал, как капитализм становится источником войн во внутренних и внешних структурах обществ, и именно по этой причине жизнь обретает напряженный характер, превращаясь в сгусток стресса и хаоса.

В главе под названием «Эпоха возврата к жизни с утопией свободы» прослеживается путь, который проходит капиталистический модернизм от хаотического существования в пучине кризиса до возврата к жизни, охваченной мечтой о свободе. В этой главе будет идти речь о том, что для возврата к утопическим, чарующим сторонам жизни, вытесненным из сферы капиталистического модернизма, находящегося под господством материальных явлений, необходимо постичь цельность интеллектуального мышления, протянуть руку к вселенной, которую мы называем «свободной жизнью». Я покажу, как шаблоны капиталистического модернизма, полностью лишившие себя смысла, ежеминутно избегая смерти, по сути, приводят к обесмысливанию проблемы жизни и смерти и, попирая все святыни, буквально вырывают жизнь из атмосферы таинственности, волшебства, поэтичности, а взамен создают и навязывают человечеству эпоху смерти и тьмы. Несмотря на то что выбор освободительных утопий, эклектические описания которых можно встретить довольно часто, в символическом плане плохо раскрывается с помощью такого понятия, как постмодернизм, я постарался осмыслить утопию как некий вселенский праздник. Способ производства, присущий данному подходу помимо общественной формации, получит официальный статус в недрах новых сообществ.

В разделе «Эпоха капитализма» Ближний Восток рассматривается отдельно, как самобытное образование. Возникает вопрос, почему Ближний Восток, не сломленный в ходе двух мировых войн, развязанных капитализмом, сегодня превратился в самый кризисный регион мира? Какое развитие событий таит в себе регион, который в определенном смысле (с точки зрения категорий места и времени) стал ареной Третьей мировой войны? Как мы должны осмыслить сопротивление экспансии капиталистического модернизма? Может ли колыбель цивилизации, превращенная в могильник человечества, вновь ожить, став ареной перехода к утопии свободы? Сможет ли регион, очернивший своих святых и тем самым отдавший их в жертву недругам, вновь восстановить их светлый образ, вернуть жизни чарующее волшебство поэзии и музыки, возродив «тип свободы»? Сможет ли Ближний Восток, разрушив производственные и научные шаблоны капиталистического модернизма, сокрушив идолов, сформировать демократичные формы управления, создать производственные группы, сливающиеся воедино с окружающей средой, и полные смысла научные советы? Будем искать ответы на подобные основные вопросы.

В отдельной главе рассматривается роль курдов в Армагеддоне — войне, которая под воздействием ближневосточного капитализма или, иными словами, ислама, в свое время черпавшего смысл в иудаизме и христианстве, преподносится как «конец света». Курдов в каком-то смысле можно назвать народом, который вовсе не является таковым, потому что невозможно встретить какой-либо другой народ или отдельное сообщество, который так яростно отказывался бы от собственных самобытных ценностей, который так легко заставить сделать это. В то же время нельзя назвать курдский народ слабым и не умеющим воевать. Курдский народ представляет собой именно то сообщество, которое в силу своего стратегического географического положения и антропологических особенностей более всего приспособлено вести войну и побеждать. Очень высок боевой потенциал курдских женщин и молодежи. Но курды превращены в людей, боящихся собственной тени. США готовы выбрать это общество как нового важнейшего союзника на Ближнем Востоке. У Израиля есть отдельный курдский проект.

Наш народ, существование которого не только отрицается исламом, но и предается забвению, в противовес всем сектантским образованиям во время Армагеддона займет свое место, скорее всего, рядом с христианами и иудеями. Впрочем, подавляющее большинство составят достойные представители алавизма, езидизма и других конфессий, некогда сплотивших вокруг себя беднейшие слои населения, но ныне потерявшие смысл. Немногочисленная верхушка общества, предводители традиционных и современных исламских сект, быстро отказавшись от роли соглашателей, которую они играли для арабов, турок и иранцев, суетливо ищут новых господ в империалистических метрополиях. Их и состоящие из них небольшие группировки легче всего ликвидировать.

Однако считать роль курдов на новом витке борьбы на Ближнем Востоке и в условиях хаотического периода только соглашательской стало бы очень большой ошибкой. Подавляющее большинство курдов, больше других жаждущее свободной жизни, ждет гех самых осознанных параметров, которые способствуют утолению этой жажды. Давно исчерпавшие себя средневековые стереотипы неминуемо уходят в прошлое, но мы не должны примерять к себе шаблоны национально-государственного типа, лежащие в основе капиталистического модернизма и не оставляющие народам никаких шансов на свободу. Наиболее приемлемой для курдов политической формой государственного устройства, с точки зрения истории, географии и характерных особенностей, является демократическая конфедерация, она лучше всего позволяет достичь идеалов равенства и свободы. В этом смысле, для решения всех проблем национально-государственных образований, буквально окруживших народы плотным кольцом, а также для того, чтобы не оказаться в котле новых проблем, наиболее благоприятной возможностью политического образования является АОК (КСК) (Ассоциация обществ Курдистана). АОК — наиболее приемлемая модель Демократической конфедерации Ближнего Востока, которая является основной формой возврата к священным ценностям, свободному самовыражению и материальным достижениям таких этносов, как арабы, иранцы, турки, курды, армяне, греки, евреи, кавказские народы, прочие религии и конфессии, которые не знают о том, что такое присущие Европе демократические свободы и права человека, которых лишают мечты о свободной жизни путем регулярной эксплуатации и гнета, подвергают геноциду и планомерно уничтожают в войнах, навязываемых национальными государствами, построенными на фундаменте капиталистического модернизма и вонзившимися в мозаику народов Ближнего Востока. Если в недрах иракского хаоса родится какое-либо федеральное республиканское образование, то это может сыграть в процессе создания такой конфедерации передовую роль.

Третья мировая война, развязанная капиталистическим модернизмом, порождает обострение различных процессов — от самых позитивных, до самых негативных, — которые могут развиваться в субъективных, локальных и временных условиях Ближнего Востока. Результат будет предопределен инициативой и усилиями групп, осознавших смысл происходящего. РПК является всего лишь одной из таких групп, которая постоянно развивается, полна смысла и придерживается идеалов свободы.

В итоговой главе раскрывается, что капиталистический модернизм не дает возможности справедливого судебного разбирательства ни мне лично, ни моему народу, избравшему меня своим лидером, ни каким-либо группам народов. Систему, которая постоянно

развивается благодаря войнам, как внутренним, гражданским, так и внешним, можно победить, только придерживаясь мечты о свободе и сформировав повсеместные очаги осмысленного сопротивления и зоны справедливости в ответ на эксплуататорскую политику властей. Очевидно, все иные пути не позволят достичь цели, ибо ведут в тупик, и обрекают нас на неполноценную жизнь и прозябание.

Я пишу эту защитную речь в условиях абсолютной изоляции на острове Имралы. У меня нет возможностей для следования привычному стилю исследований, и это не тот путь, который я бы выбрал. Основными источниками моего вдохновения являются наилучшие представители человечества; не буду перечислять их имена, но каждый из них вносит несомненный вклад в деятельность другого. Великие борцы-интеллектуалы и практики — речь идет о борцах за свободу — не могут быть количественной категорией. В этом смысле я выступаю против научного структурирования модернизма. Уверенный в том, что ни один человек, чье свободное волеизъявление может быть так ограничено, как мое, может оставаться таким сторонником свободы и справедливости, я посвящаю свою защитную речь тем людям, которые познали и познают смысл дружеских и товарищеских отношений.

Версия #2

Зверобой создал 15 августа 2025 18:34:26

Зверобой обновил 15 августа 2025 18:37:08